Игорь Белов

Охотники ордена смерти

Ворон

18+

Охотники ордена смерти.

Игорь Белов

Охотники ордена смерти. Ворон

«Автор»
2026

Белов И.

Охотники ордена смерти. Ворон / И. Белов — «Автор», 2026 — (Охотники ордена смерти.)

Говорят, смерть уравнивает всех. Но для некоторых она становится не концом, а началом.Ворон давно перестал считать прожитые годы. Он видел, как сменяются эпохи, как исчезают люди и города. Он научился говорить с мёртвыми, охотиться на тех, кому не место среди живых, и существовать там, где сама смерть отступает в сторону.Но так и не научился забывать.В заснеженной глубинке, вдали от больших городов, его ждёт очередное дело. Старая деревня, молодая ведьма, тревожная тишина и нечто, нарушившее привычный порядок вещей. Здесь живут старые тайны, а за гранью видимого скрывается мир, существующий по собственным законам.Ворон знает эти законы лучше многих. Ведь он служит Ордену Смерти.И всё же есть вещи, над которыми не властны ни древняя магия, ни прожитые столетия.Память. Любовь. И обещания, которые невозможно исполнить.

© Белов И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 7
Глава 3 10
Глава 4 15
Глава 5 18
Глава 6 20
Глава 7 23
Глава 8 27
Глава 9 31
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Охотники ордена смерти. Ворон

Глава 1

На опушке леса горел костёр, стояла непроглядная, вязкая, как битум, ночь. Возле огня, пристроившись на сваленном сухом дереве, сидел мужчина лет тридцати, закутанный в тело-грейку. Сгорбившись и закрыв глаза, он что-то неразборчиво бормотал, сжимая в правой руке нож.

Напротив него стояла девочка лет пятнадцати с двумя длинными, ниже спины, косами, в одной футболке, лёгких джинсах с дырками на коленках и летних кроссовках. Она не отрывала от мужчины взгляд.

Вдалеке послышалось уханье. Человек у костра поднял глаза на девочку и резко замолчал. Он поднёс лезвие ножа к раскрытой над костром руке и, не отрывая от девочки взгляд, одним быстрым движением рассёк ладонь. Кровь хлынула в горящее пламя, языки которого устремились к небу, сплетаясь словно змеи в ритуальном танце, треск оглушительным воем разнёсся по округе. Когда огонь успокоился, мужчина воткнул нож рядом с собой и, закурив, принялся обвязывать руку старым грязным платком, который он вытащил из рюкзака, стоявшего рядом.

— Мне совсем точно нельзя остаться с вами, дядя?! — взмолилась девочка.

— Я ведь уже объяснял, – отведя взгляд, спокойно произнёс тихий голос.

— Но… Я обещаю! Нет, я клянусь! Никому больше я не причиню вреда! Буду жить тут, спокойно, на опушке, и не буду снова приходить в деревню! Ни к маме, ни к бабушке! Ну, пожалуйста!

Мужчина тяжело выдохнул большой клуб белого дыма, перемешанного с паром, рука под тряпкой сильно кровоточила.

— Это не от тебя зависит, — произнёс он, затянувшись, — правила едины для всех.

— Но…

— Мёртвым не место среди живых.

Звёзды над их головами мерцали словно новогодняя гирлянда, костёр затих, лес погрузился в сонную тишину.

Внезапно, откуда-то из темноты окружающего леса, раздался лёгкий хруст шагов по свежевыпавшему снегу. Девочка резко обернулась, за её спиной стояла высокая, больше двух метров ростом, молодая женщина. Лицо её, белое как снег, было наполовину закрыто чёрными, блестящими, как водная гладь, волосами, стекающими по тонкому силуэту до груди. Один видимый на лице глаз с вертикальным зрачком, как у кошки, был ярко-красного цвета, такого, что девочка даже обернулась к костру, чтобы убедиться, что это не он отражается в её взгляде. Женщина была облачена в длинный то ли балахон, то ли мантию, конечно, тоже чёрного цвета.

— Она проводит тебя, — спокойно произнёс мужчина.

— Куда?

— Туда, где тебе будет лучше.

Девочка не могла отвести любопытный взгляд от рослой незнакомки. Слегка помявшись, она обратилась к женщине:

— Вы смерть?

Красный, мерцающий во тьме глаз, заискрился добротой. Его обладательница легко мотнула головой, как бы отвечая: «Нет». Улыбнувшись, она присела на корточки, чтобы быть с девочкой на одном уровне, и протянула ей руку, украшенную кольцами и браслетами с черепами, змеями и какими-то непонятными нечитаемыми символами.

— Она проводник, — объяснил мужчина, — не бойся.

— Но я ведь смогу ещё встретиться с мамой? И с бабушкой?

— Когда-нибудь, обязательно. Но пока не время.

Красноглазая кивнула, как бы подтверждая его слова.

— Ладно, — согласилась девочка.

Девочка вложила свою ладонь незнакомке в руку и резко вскрикнула от неожиданности — рука начала светиться. Сияние медленно поползло от кончиков пальцев к плечу и выше, постепенно поглощая всё, к чему прикасалось. Проводница улыбалась, и девочка почувствовала тепло, разливающееся по всему телу. Она резко обернулась к мужчине, чтобы попрощаться, но не успела произнести того, что хотела: быстрая вспышка света поглотила их обеих.

Лес опять погрузился в тишину.

На опушке горел костёр, у огня сидел и курил мужчина, закутанный в телогрейку, на его плечи падал крупный снег. Отщёлкнув сигарету в кусачее пламя, он одними губами, дабы не нарушать покой этой ночи, произнёс:

«Не за что».

Глава 2

Небо потихоньку затягивало. Сейчас ветра считай, что не было, но за утро он успел нагнать облаков. Солнце сквозь вспененную молочную простыню лезвиями своих лучей пыталось прорезаться к земле, но выходило пока не очень. Большинство попросту ломалось о белый, защищающий как будто бы поверхность щит, и лишь изредка самым острым, самым хитрым, самым настойчивым удавалось пробить себе путь. Утро было сонным, и день, вот-вот уже готовый сменить своего заспанного предшественника, как бы далёким эхом, всё ещё зевал.

Оглушающий стук в калитку разбудил этот вялый пейзаж. Вслед за стуком раздался хриплый женский крик:

— Та-а-а-ся! Та-а-а-а-ся! Ты дома?! Открывай! Та-а-ась!

— Да, иду, тёть Тань, иду, не молоти!

Из сто́ящей чуть поодаль дороги на отшибе избушки, выскочила девушка с огненно-красными волосами. Накинув на голову платок, она в одних тапочках и лёгком домашнем платьице ловко, точно кошка, проскакала меж засыпанных снегом кустов крыжовника прямо к закрытой калитке. Снимая замок и впуская пожилую даму, являющуюся причиной грохота, девушка возмущалась:

— Тёть Тань, ну чего в такую рань-то?! — глаза у Таси были ярко-зелёными, озорными, хоть и немного заспанными.

— Да какая рань? Тася! Уже двенадцать! А ты всё спишь! — деловая старушка ввалилась во двор и, причитая, направилась к крыльцу. — Уже и в церковь сходили все!

— Молитесь вы в церкви, тёть Тань, — взбодрившись от пробежки по снегу, возмущалась ей в спину Тася. Веснушки на её лбу издалека были похожи на морщины и смотрелись на её детском, в хорошем смысле слова, лице странно, словно прибавляя ей пару лишних лет. — А как чего, так ко мне бегом молотить в калитку!

— Так ведь Иван Степаныч, собака, таблетки прописал, а где их брать не прописал! Тася, мы же в глуши такой!

— Вы, тёть Тань, на фельдшера-то не наговаривайте! Он к нам в такую даль ездит, вот и вы за таблетками могли бы в город наведаться. Сашку попросите! Думаете, он вас не отвезёт, как сам туда поедет?! Или рецепт ему свой дайте! Как будто кто-то там в аптеке будет проверять! Скажет, что внук ваш, делов-то!

— Ну не злись, доченька, — взмолилась старушка, — после твоих наложений у меня всё как рукой снимает! Меня ж ещё твоя мама лечила! А бабка твоя мою мать… Ну? Я тебе вот варенья принесла.

Тася вздохнула. Обогнав старушку, ждущую её у крыльца, она поднялась на порог по покосившейся от тяжести лет лестнице и, отворив входную дверь, произнесла:

— Ладно, проходите.

Отряхнувшись от снега и небрежно скинув пальто на пыльную лавку в прихожей, тётя Таня направилась в горницу и, причитая о том, какой в доме дубак, начала подкидывать дрова в облупившуюся печку, на которой ожерельем висели веники сухих трав.

Убранство было небогатым: у окна стоял стол с восседающим на нём старым грязным самоваром, которым по виду явно не пользовались уже лет сорок. К столу с двух сторон были придвинуты скамьи, когда-то красивые, резные, но, конечно, уже не сейчас. Из другого конца комнаты на них с недоумением и грустью смотрели пара высоких, некогда книжных, шкафа-близнеца, теперь выполняющих роль подставок для сковородок, ступок, ножей и прочей кухонной утвари. На стенах, вместе с иконами, как и на печи, висели сухие травы. В промежутках были прибиты старые полки, на которых нашли своё последнее пристанище какие-то блокноты да книги с нечитаемыми корешками. К печи сбоку, будто бы даже в цвет, было прилажено

покосившееся трюмо с треснувшим у нижнего угла зеркалом, на котором красовалась древняя электроплитка с двумя конфорками, к которой Тася первым делом и направилась, чтобы поставить чайник. После этого она подошла к обрюзглому раскладному креслу болотно-грязного цвета, навеки прикрученному к удручающего вида комоду, чтобы разложить его.

Рядом с креслом располагался вход в спальню, завешанный сейчас пологом от комаров. Дыр, правда, в этом пологе было предостаточно, так что летом ни от кого он ни защищал, но Тася так привыкла к этой старой марле, что менять её ни на что другое не хотела.

Закончив корячиться с погнутым раздвижным механизмом, девушка смахнула со лба пот и пригласила старушку прилечь на ненадёжное с виду лежбище. Достав с одной из полок пучок трав, ступку, какой-то порошок и зажигалку, ведьма пристроилась на полу в ногах у улёгшейся, не без мата, тёти Тани.

Ноги у старушки были опухшие, в синяках, и Тася, аккуратно, с дочерней жалостью погладив их, приступила к своему ритуалу. Она зажгла пучок травы и, быстро прочитав над ним нечто неразборчивое, положила его в ступку. Туда же ведьма засыпала странного вида порошок и, не прекращая своего заклинания, быстрыми движениями размолола содержимое ступки. Получившуюся тлеющую смесь, она высыпала себе в ладони и, с силой растерев её, приложила руки к ногам своей пациентки. Закрыв глаза, она сидела на коленках, опустив голову набок, и растирая старушке ноги, продолжала тихо бормотать себе под нос.

После процедуры довольная тётя Таня с улыбкой на лице хлопотала у стола, будто ей снова девятнадцать. Женщина сделала бутерброды с колбасой и сыром, которые она нашла у дальней стенки ведьминого холодильника, и с вареньем, принесённым ею в качестве платы за работу. Горячий чай дожидался на столе. Пока проходило лечение, на улице зарядил снегопад. Жар, расплывающийся по помещению от раскалённой дровяной печи, оплетал своих гостей, ложась на плечи, словно мягкий махровый плед. В кухне сейчас было по-настоящему уютно.

— Тася! Ну как рукой сняло боль! Фея, ты моя лесная!

— Ладно вам, — обхватив кружку обеими руками, произнесла ведьма. — Не могу я вам отказать, этим и пользуетесь.

— Так ведь помогает, доча! — энергичная старушка поставила перед Тасей тарелки и примостилась на скамейку напротив. — А таблетки эти… Тьфу! Химия одна! А тут натуральное всё, хуже то не будет, только лучше становится!

— Вы, тёть Тань, Сашку-то попросите всё же, — озорные глаза на мгновение сделались серьёзными. — Не стал бы дядя Ваня выписывать то, от чего хуже делается.

— Хорошо, — вздохнула смирившаяся старушка, — как вернётся, попрошу. Уговорила.

— А он уехал разве? — рыжая ведьма приподняла брови, изобразив удивление.

— Дак вчера же ещё. Утром.

— И до сих пор не вернулся?

— Не вернулся, — мотнула головой тётя Таня. — Да и как вернёшся? Снежище-то вон какой! Небось всю дорогу засыпало, не проехать. Без трактора-то как по такой дороге…

Кукушка, обитавшая в старых часах, покосившихся, как и практически все предметы обихода в этом доме, у выхода в прихожую, ку-кукнула два раза. Старушка резко подскочила и засобиралась, конечно, снова причитая.

— Тьфу! Засиделася я с тобой! Бежать мне надо, дел невпроворот! — всполошённая гостья металась по комнате, как птица в клетке. — А пальто моё где? Голова-голова, старая! Дурная!

Улыбнувшись, Тася протянула женщине пальто.

— Где оставили — там и лежит. Пойдёмте, провожу вас.

Попрощавшись и расцеловавшись с тётей Таней, девушка затворила калитку. Постучав по ней три раза, Тася прошептала что-то нечленораздельное и повесила цепочку. Вернувшись в горницу, она достала из ближайшего шкафа потрёпанную временем записную книжку и

залезла на скамью с ногами спиной к окну. Тася раскрыла книжку на чистой странице и сверху написала: «Тридцать три».

Глава 3

Сколько времени прошло с тех пор, как Ворон был здесь последний раз? Почти три полных года. Когда он уходил, весна была в полном разгаре, но снег всё ещё покрывал всю территорию поместья хрустящим одеялом. Из-за близости к реке, нескольких прудов и множества вековых дубов, создающих прохладную тень даже в душные апрельские дни, влажность здесь высокая и снег всегда залёживается дольше.

Дом остался таким же, каким он его запомнил. Белоснежное вытянутое здание высотой в два этажа и высокими потолками, венчала красная, будто облитая вишнёвым соком, крыша. В неё упирались карнизы, вышитые цветочным, вперемешку с костями и черепами, орнаментом, по периметру, поддерживаемые резными пилястрами. Над входом, подпираемый двумя плачущими канефорами, располагался большой балкон, окутанный балюстрадой. Балясины были вырезаны из камня в форме роз. Окна и главный вход, расположенный на метровом каменном крыльце, венчал барельеф, изображающий перевёрнутые черепа. На двери двух с половиной метров в высоту располагалась железная буква «Эр», разделяющаяся на две части каждый раз, когда это самая дверь открывалась.

Благодаря всем этим цветам, черепам, дубам, большой влажности и общей отдалённости усадьбы, построенной вдалеке от города, в глубине леса, на болотах, Граф Эр в узких кругах слыл большим чудаком и богатых приёмов с вечеринками на французский манер, так популярными сейчас в обществе, у себя не проводил. Своё скромное, как он сам его всегда называл, пристанище он обозвал «Дубовая усадьба» и горячо любил местную тишину.

Приёмы и вечеринки, к слову, уже успели надоесть Ворону. В гусарский полк его приняли только благодаря Графу и большой любви второго к отцу, тогда ещё мальчика, некогда богатого, а теперь почившего в нищете. Он уходил на службу без копейки за душой, а вернулся героем в звании капитана, получил квартиру и хорошее жалование. И как любой герой гусарского полка, о которых сложено тысячи историй разной степени правдивости, он быстро привлёк к себе внимание молодёжи из высшего света. О нём слагали стихи, таскали на рауты, где он красовался своим мундиром, палетами и шпагой. Знаменитые девушки строили ему глазки и мило хихикали, когда он пытался рассказывать об ужасах Кавказа. Некоторые из них, хватаясь за головы, показательно падали в обморок лишь для того, чтобы увидеть над собой его глубокие синие глаза на идеально симметричном лице и чёрные как смоль волосы, когда он склонялся, дабы помочь бедняжке встать.

Всё это заставляло его лишь скучать. От своих братьев по полку Ворон не подцепил ни пьянства, ни любви к азартным играм. Единственное, что он перенял — это зависимость от папирос. Крутил всегда сам и носил в красивом металлическом портсигаре, полученном в награду за заслуги в сражении. На блестящей крышке портсигара был выбит номер полка и девиз, гласивший: «Никто, кроме нас».

Чего же ему хотелось на самом деле? Сейчас, стоя в тени дубов, ему хотелось просто быть здесь. Он достал из-за пазухи письмо и ещё раз прочёл ту единственную строчку, что там была.

«Буду ждать в два часа дня в «Rotonde à l'ombre». Ваша».

Об этих нескольких словах он мечтал сильнее, чем ребёнок ждёт день рождения.

В этом доме, куда его некогда привозил отец, Граф Эр растил двоих дочерей и малолетнего совсем сына — Павлушу. Старшая дочь, графиня Ирис Эр, будучи на два года взрослее, не слишком любила компанию молодого Ворона, а престарелый слуга, который вечно таскался за своей госпожой, так и вообще его немного пугал, хоть Ворон и не мог объяснить почему.

А вот с младшей дочерью, Графиней Эр, они были ровесниками и часто играли вместе. Как-то раз, когда им обоим было не более девяти лет, взрослые застали их за игрой в семью.

Их отцы долго смеялись, а Ирис сказала, что это мерзость, и её великовозрастный болван с ней согласился.

Когда Ворон уходил, им было уже по девятнадцать лет, и Графиня сильно плакала. Она обещала молиться, он же для себя решил, что как только вернётся, то пойдёт к Графу, чтобы просить её руки.

Ворон сверился с часами. Он прибыл раньше на целый час и, попросив слуг не уведомлять молодую хозяйку о своём раннем визите, позволил себе закурить и посмаковать воспоминания в тени дубов. Закончив, Ворон направился на место встречи.

Тепло. Июль в этом году выдался совершенно замечательным. Уже середина месяца, самая сердцевина лета, а обволакивающего зноя, из-за которого он покрывается потом, преет и страдает в столь любимом им мундире, нет.

Ротонда находилась с обратной стороны усадьбы и, чтобы попасть в неё, нужно было обойти дом по мощёной камнем дорожке. В этом лёгком путешествии его сопровождал прекрасный летний бриз. Идя, он заглядывал в некоторые окна, надеясь увидеть её, но, кроме пары прачек, никого не заметил.

Обогнув дом, Ворон упёрся в небольшую часовенку, слепленную в готическом стиле из чёрного камня. Её острые, словно пики, башни обвивали каменные лозы вырезанных шипованных растений и венчали кресты. Вход и оконные витражи с изображением библейских сцен, заканчивались вимпергами, на которых были выбиты всё те же знакомые перевёрнутые черепа, и обязательно везде красовалась буква «Эр».

После всего, что Ворон видел, и всего того, что делал, он не верил в бога, однако понимал, что именно в этой часовне он будет венчаться. Когда это случится, он, конечно, даст перед его ликом, выбитом в камне, все нужные клятвы, но соблюдать их будет ради неё, и чтобы показать, чего стоит слово офицера.

Часовня располагалась на берегу пруда, и, обогнув её, Ворон увидел ротонду, установленную на противоположенном берегу. Это было круглое, открытое со всех сторон здание, обвязанное по периметру балюстрадой, словно праздничной лентой. В роли стен выступали шесть фустов, акант которых был выполнен в форме ангелов, держащих перевёрнутые черепа. Фусты держали на себе лёгкий, с виду, белоснежный купол.

А ещё внутри, спиной к Ворону, стояла миниатюрная женская фигура, облачённая в светлое летнее платье. Её русые волосы были аккуратно собраны заколкой, обнажая тонкую белую шею и миниатюрные плечи. Она обернулась и, сверкнув зелёными глазами, глубокими, словно изумруд, легко улыбнулась.

На секунду Ворону показалось, что он, должно быть, умер. Голова закружилась, и он опёрся плечом о дуб, стоя́щий возле дороги. Посмотрев на свои руки, он увидел белые офицерские перчатки и несколько раз сжал и разжал пальцы, почувствовав силу. Там, в горах Кавказа, этот небольшой ритуал всегда помогал Ворону прийти в себя и понять, что он не спит.

Девушка тем временем уже полностью обернулась к нему.

В груди защемило. Ворон много раз представлял себе этот момент. В мечтах он явственно видел, как медленно, с достоинством и честью офицера подойдёт к ней. Как возьмёт её маленькую ручку и нежно припадёт к ней губами. Как встанет перед ней на колено и, сообщив, что намерен связать их жизни, без промедления направится к её отцу. Конечно, он не столь высокого рода, но Граф Эр всегда был с ним добр и всё поймёт.

Однако не всем планам суждено было сбыться. Он побежал сломя голову и преодолел то расстояние, что их разделяло за несколько прыжков, а после, безо всякого достоинства, заключил её в свои крепкие объятия, словно невоспитанный мальчишка.

Графиня не отпрянула и приняла неуклюжую ласку, сделав Ворона до невозможности счастливым. Она запомнила его немного другим. Когда он уходил, они были примерно одного роста, а теперь он на целую голову выше и гораздо шире в плечах. А ещё от него теперь пахнет

совсем по-другому. Его тогдашняя форма была ему как будто бы немножечко велика, а теперь мундир сидит безупречно. За волосами он в ту пору не сильно следил, стригшись лишь тогда, когда это нужно, а теперь он бреет виски на манер каких-нибудь английских денди.

Спустя несколько минут ему стало чудовищно стыдно. Он отстранился, отпустив девушку и потупив глаза.

— Графиня… Прошу простить… Столь недостойное поведение в доме вашего отца… — задыхаясь, он пытался подобрать слова, но ничего дельного не выходило. Конечно, образование у него было, в офицеры просто так не попадают даже такие хорошие солдаты, но с ней в этом плане Ворон сравниться не мог. — Я… Я не понимаю, что на меня нашло…

— Вы не представляете, насколько счастливой сделали меня сейчас.

— Тогда… Это значит… — он поднял полные надежды глаза. — Неужели вы говорили со своим отцом?

— Нет, — девушка мотнула головой. — Да и какой в этом смысл?

— Значит, моё происхождение…

— Далеко не самое низкое. К тому же вы уже герой и вхожи во многие знатные дома.

— Но раз так… Я просто обязан пойти к вашему отцу и просить вашей руки.

— Боюсь, ничего не выйдет, — вздохнула Графиня. — Отец отбыл в рабочую поездку и вернётся не раньше октября.

— Если вы думаете, что я не протяну несколько месяцев…

— Там мне исполнится двадцать три, и я навсегда исчезну из вашей жизни.

— Неужели вам уже нашли жениха?! — Ворон резко отпрянул, а черты его лица, так любимые ей, сильно ожесточились. — Если так, то я тем более намерен поговорить с вашим отцом! Если потребуется, я готов стреляться!

— Никого мне не нашли! — она поспешила успокоить Ворона, прильнув к нему.

— Тогда…

— Я не смогу вам объяснить.

— Молю!

— Простите.

Мысли в его голове роились. Обещавший стать самым счастливым в его жизни день, в одно мгновение омрачился. Неужели это бог наказывает его за то, что он не верил? Или, скорее, указывает на его место. Лучше бы этого дня не существовало! Лучше бы он погиб там, в горах Кавказа!

— Ворон, — её нежный голос вернул его обратно. — Я не могу сказать вам причину. Если я произнесу это вслух, вы будете смеяться или, того хуже — решите, что я не в себе. Я была бы счастлива с Вами, будь я обычным человеком. Но у меня есть долг. Вы должны понять. Вы ведь тоже человек долга.

— Графиня… — он произнёс это тяжело, на выдохе.

«Стоп! Почему она называет меня «Вороном»? А я называю её «Графиней»? У нас ведь есть имена! У неё чудесное, красивое имя. Нежное, как её любимые цветы. А у меня? Как, чёрт возьми, меня зовут?!»

Ворон посмотрел на свою возлюбленную и потерял дар речи: её глазницы были пустыми, а сама она, жутко, оголив ряды своих белоснежных зубов, улыбалась. Он попытался отпрянуть, но тонкие белые пальцы впились ему в лицо, не дав этого сделать.

— Куда же ты собрался, милый? — произнесла Графиня Эр стеклянным нечеловеческим голосом, и кожа с её лица стала опадать лоскутами, обнажая череп.

Ворон проснулся в холодном поту, и первое, что увидел, открыв глаза, — белый облупившийся потолок, покрытый трещинами, с несколькими рядами блёклых светодиодных ламп. Кровать под ним неприятно, словно от стыда, скрипнула, и он поднялся, сев на край. Покрутив головой, Ворон увидел несколько кушеток со свёрнутыми на них матрацами, а под ними

холодный кафельный пол, и понял, что он в больнице. У изголовья кровати стояла тумбочка, на которой расположилась тарелка уже остывшей каши. Каша была сварена из смеси манки и бетона, если судить по виду стоя́щей в ней ложки, но жрать хотелось страшно, поэтому выбора не было.

Доев, Ворон открыл окно. Пошарив рукой по кровати, он нащупал портсигар и закурил — в палате больше никого не было.

За окном слышался шум мотора, и в нос бил характерный запах солярки. Дети визжали и смеялись, играя в снежки. Часы в палате показывали ровно четырнадцать ноль-ноль, и Ворон, вернувшись на мгновение в свой сон, неуютно поморщился.

— Курить здесь, вообще-то, запрещено! — за спиной раздался упрекающий голос. — Хотя учитывая то, что вы пережили, в этот раз ругать не стану.

Ворон обернулся. В проходе стоял крепко сбитый невысокий мужичок лет семидесяти, в круглых очках и белом халате. Голова его, невзирая на возраст, искрилась копной светло-русых кудрей. Под рукой он держал кожаную папку.

— Меня, — улыбнулся мужичок, — Иваном Степановичем звать. Я фельдшер местный, — пояснил он, пристраиваясь на табуретку рядом с кроватью. Достав из папки лист бумаги и карандаш, Иван Степанович с любопытством посмотрел на курящего и ткнул пальцем в тарелку. — Аппетит, я вижу, в норме?

Ворон затушил сигарету в остатки каши. Фельдшер крутил в руках портсигар, пациента.

— Интересная вещица, — процедил Иван Степанович. — Старая, по всей видимости.

— В наследство досталась.

— Вот как? — врач улыбнулся и положил портсигар на тумбочку. — Вопросы у вас есть какие-нибудь?

— Где мы?

— Так больница, голубчик!

— Понятно, что не баня. Конкретнее.

— Центральная больница города Ленинска, — улыбнулся фельдшер. — Хотя… По правде сказать — единственная. Честно сказать, у нас и от города одно название.

— Давно я здесь?

— Аккурат двое суток. И всё время проспали, как убитый. Хотя с учётом того, что вы пережили, не удивительно.

— А что я пережил?

— А вы не помните? — Иван Степанович многозначительно поднял брови. — Вас же из-под снега откопали! Дорожники утром шли на смену и увидели руку, торчащую из сугроба. Ну, думают, опять приезжий какой запил и замёрз ночью, не рассчитав свои силы, — доктор покачал головой. — У нас на севере это, к сожалению, не редкость. Тронули, а там пульс! И палец дёрнулся! Бригадир сразу мне звонить, а парни лопаты в руки и вперёд. Молодцы мужики, нечего добавить. Я вам адресок-то дам, как выйдете, зайдите, спасибо им хоть скажите, а лучше бутылку поставьте.

Ворон кивнул.

— Вы мне лучше вот что скажите, голубчик, — после небольшой паузы заговорил доктор. — Вы руку целую, зачем кровавой тряпкой обвязали?

— Не помню, — протянул, отведя взгляд Ворон. Фельдшер, каким бы хорошим человеком ни был, ни за что ему не поверит, поэтому надо или под дурачка косить, или притвориться, что память отшибло. Благо не в первый раз.

— Не помните… И кровь чья, надо полагать, тоже не в курсе?

— Нет.

— Понятно, — Иван Степанович сделал у себя какие-то пометки карандашом. — Мы, уж извините, в Вашем рюкзаке порылись, документы искали. Надо же знать, кто у тебя в палате

помирает. Только бумаг никаких не нашли. Все вещи описали, вот опись, — он протянул Ворону листок бумаги. — Можете проверить, что всё на месте, даже пистолет… Портсигара в описи, к слову, не было… — фельдшер почесал затылок. — Ну, наверное, медсёстры пропустили и вам подложили. Они, знаете ли, верят, что родная вещь выздоравливать помогает. Ругаю их, да толку.

Многозначительно помолчав с минуту, Иван Степанович снова заговорил:

— Так о чём это я? Ах да. Документов Ваших нет, как и имени.

Ворон многозначительно посмотрел на врача, тот вздохнул и спросил:

— Зовут вас как?

— Ворон.

— Во-рон, – протянул по слогам фельдшер. – Это фамилия? А имя?

— Ворон.

— Ворон Ворон? Отчество, давайте угадаю, Воронович? Или тоже Ворон?

— Просто Ворон. Без фамилий и остального.

Иван Степанович снял очки и, тяжело вздохнув, протёр глаза. Вернув очки на место, он посмотрел на своего пациента и сказал:

— Наверное, я и в правду постарел. А может верно бабки на рынке талдычат, что в наших краях творится неладное. Сначала парень этот… Знающий меня всю жизнь как будто. Всё про меня рассказал. Даже про некоторые события так, словно был там! Внук он мой, говорит, да только внук мой без вести пропал давно. Теперь вы вот. Ворон… Без единого повреждения после сильнейшего обморожения. Что мне с Вами прикажете делать?

Ворон пожал плечами.

— Ладно, — фельдшер встал и направился к выходу. В дверях он остановился в полуобороте. — Обдумать мне всё это нужно. Вы, Ворон, на меня не злитесь, но я сообщу о вас участковому в местное отделение. Не могу я так. Вдруг Вы человека убили? А я соучастником, получаюсь. Не по-людски это.

— Без проблем, — Ворон кивнул и, улёгшись набок, поудобнее устроился на подушке. — Я посплю ещё, пока можно.

Глава 4

Зима в этом году в столице выдалась невероятно снежной. Таких снегопадов давно уже не было, и каждый день, если верить гидрометцентру, выпадала месячная норма осадков. Крепкие морозы всю эту радость ещё и сковали, превращая жизнь коммунальных служб в настоящий ад.

Так, им и надо, — думал Семён, наблюдающий, как несколько лиц восточной национальности безуспешно пытались разбить лёд у здания университета. Он стоял у настежь раскрытого окна в безвозвратно промёрзшем кабинете. Вообще Семён, конечно, не был злым человеком, но раз уж он, прямо здесь и сейчас недоволен своим положением, почему это кто-то другой должен быть доволен?

Сейчас он, про себя, конечно, ругал делопроизводителя, которая пошла делать расшифровку, а его, дура такая, случайно заперла в кабинете.

Дама эта была, совершенно, по мнению Семёна, неадекватная. Летом ей постоянно было холодно, и везде мерещились сквозняки, отчего она никогда не открывала окна в своём небольшом кабинетике, и никому не позволяла этого делать. Кондиционера здесь тоже не было, и летом тут была настоящая баня. Хотя, конечно, скорее пыточная, ибо как в бане принято получать удовольствие.

Сейчас же зима и знаете что? Ей, видите ли, жарко! Старый фонд, по капремонту поставили новые батареи, и они, гады такие, еле греют. Обычному человеку в её кабинете в это время года даже немного прохладно, но не ей – зимой она раскрывает все окна нараспашку!

Почему же Семён не закрыл окна сразу же, как понял, что заперт? Дело в том, что кабинет на первом этаже, и, так как раньше здесь была учебная аудитория, оконные ручки съёмные. Когда-то давно эта технология была применена для того, чтобы предотвратить побеги студентов с пар через окно, а теперь местная хозяйка прячет эти ручки от своих посетителей, дабы никто не нарушил её хрупкого рабочего уклада. В сейф прячет, собака такая! И ключ с собой уносит!

Да, дурна и сумасбродна, хранительница исходящих писем и повелительница архивной документации, Лидия Васильевна, но работает она в ордене уже тридцать лет, а самой ей аж за пятьдесят. Семён её помнит ещё двадцатипятилетней, но он, в отличие от неё, за это время не изменился, разве что причёску пару раз обновлял.

Она ему, кстати, вопросов по этому поводу ни разу не задавала, хотя со стороны это выглядело странно. Когда она устраивалась на работу, они были одного с виду возраста, но вот прошло тридцать лет, и он ни на миллиметр не изменился. На самом же деле уже тогда Семён был старше неё почти на пятнадцать лет.

Лидия Васильевна была не единственным обыкновенным человеком во всём Ордене Смерти, и, хоть и была связана соглашением о неразглашении, излишним любопытством не отличалась, за что Семён по-своему был ей очень благодарен.

Где-то за дверью раздался бодрый стук каблуков по ламинату. С каждым ударом он становился всё громче, остановившись у двери кабинета, где был заперт Семён. Парень обернулся и прислушался: ключи звякнули друг об друга, и после нескольких громких поворотов замка дверь распахнулась.

На пороге стояла упитанная, крепко сбитая женщина, в чёрной деловой юбке и леопардовом пиджаке с коротким рукавом. Её голову венчал аккуратный волосяной бублик, а глаза украшали толстенные, в роговой оправе цвета пиджака, очки. Увидев Семёна, она распахнула свой, размалёванный ярко-красной губной помадой, рот, пытаясь изобразить высшую степень удивления.

— Вы чего это в окно залезли?!

— Вы меня здесь заперли, Лидия Васильевна, — тяжело вздохнул Семён.

— И вы меня даже не окрикнули?!

— Не сразу понял…

— Могли бы позвонить!

— Лидия Васильевна, — Семён, снявший свои аккуратные очки, устало протёр глаза. Он мотнул своим прилизанным, узким лицом, указывая на мобильник, лежащий на столе. — Вы телефон здесь оставили.

— Ну так и вышли бы через окно! — сказала документовед тоном, явно намекающем, что одному из них двоих в этой комнате должно быть стыдно. И речь точно шла не о ней. Она обогнула замёрзшего, в безупречно сидящем синем костюме, Семёна, и, положив бювар с бумагами на стол, плюхнулась в кресло.

Прежде чем раскрыть чёрную, покрытую дорогой кожей папку с вышитым золотом на обложке перевёрнутым черепом, она аккуратно постучала по жёсткому переплёту своими розовыми ноготками. Лидия Васильевна всегда проводила такой вот небольшой ритуал на удачу, так как специально заранее не ознакомлялась с расшифровками, как это делали секретари в других филиалах, и Семён, частенько наблюдая за этим действием, находил забавным то, что её работодатель собаку съел на всякого рода ритуалах, но такого среди них не было. Всего один раз за тридцать лет он её прервал, и в тот момент она точно на него обиделась, хоть виду и не подала, а вести тогда и вправду были нехорошие.

С тех пор Семён уважительно ждал окончания, невзирая на срочность сообщений, переданных с разных концов мира, и даже полюбил то довольное выражение лица, с которым Лидия Васильевна производила эти действия. Жизнь у обычных людей коротка, по сравнению с его жизнью, поэтому пусть хотя бы этим она насладится.

Тем временем Лидия Васильевна закончила и раскрыла тяжёлый с виду переплёт. Расшифровок сегодня было немного, что не могло не радовать, и она поочерёдно зачитывала заголовки Семёну, который сел теперь напротив и безошибочно определял, что сейчас важно и в какой отдел это отправить.

— Охота на Урале. Еженедельный отчёт.

— Это наше, давайте.

— Проклятье Умчанского не сработало! ПРОСИМ НЕЗАМЕДЛИТЕЛЬНО…

— Это исследователям, — небрежно перебил Семён, — пусть разбираются.

– Хорошо, — кивнула женщина. — Так. Дальше у нас Ворон.

— Ворон? — Семён с интересом придвинулся.

Лидия Васильевна развернула конверт и протянула его Семёну. Глаза его быстро забегали по бумаге, а ладони начали потеть, невзирая на холод, стоявший в помещении.

— Читали?

— Нет. При вас же вот только вскрыла…

— Хорошо! — Семён вскочил и быстрым шагом направился прочь из кабинета. — Ритуал ваш и правда действует! — сообщил он, закрыв за собой дверь.

Постепенно ускоряясь на пути к лифту, цели своей он достиг уже, по сути, на бегу, но здесь его ожидала плохая новость. Табличка, установленная возле дверей лифта, оповещала, что тот на ремонте. Он уже и забыл, что сам договаривался на сегодня с мастером и, придя утром на работу, ещё не поднимался наверх. Другого лифта в этом стволе не было, поэтому придётся пешком, на двадцать пятый. Можно, конечно, подняться через другой корпус и там перебежать, но это долго. Всё-таки Семён выносливее обычного человека. Сдюжит!

Поднимался без передышек, естественно, бегом, — новость-то важная. Пока бежал, ощущал себя хорошо, а, когда вбежал в дверь начальника и остановился, понял, что ноги совсем ватные и рубашка к спине прилипла. Взмокший Семён стоял посреди кабинета, сжимая в руке расшифровку, и тяжело дышал.

— Ну, Семён, чего такой бодрый с утра пораньше? — напротив входа, за столом сидел лысый, с хитрой улыбкой, мужичок, лет шестидесяти с виду. Он указал на красивый, в форме лебедя, хрустальный фужер. — Ты хоть воды выпей, ну!

Пока Семён жадно и громко хлебал воду, запрокинув голову словно птенец, мужчина за столом, облокотившись на локти, упёртые в широкую, из тёмного дерева, лакированную столешницу, наблюдал за ним, по-мальчишески сверкая глазами.

— Вы простите… — бухнул лебедем тяжело дышавший Семён. Он с чувством плюхнулся на стул и пытался пригладить ладонью чёлку, с которой до сих пор текло. — Новость важная… Лифт, собака, сломался… Я и…

— Что за новость? — глаза мужчины серьёзно сверкнули. На фасаде его стола был вырезан и покрыт золотом перевёрнутый череп. Табличка, стоявшая на столе, сообщала, что хозяина кабинета зовут Павлом Павловичем Эр.

— Ворон.

— Ворон?

Семён кивнул и протянул начальнику расшифровку. Павел Павлович развернул её и с минуту изучал написанное. От первой строки к последней, выражение на его лице менялось с «утра понедельника» до «вечера пятницы», а дочитав, он хапнул по столу и рассмеялся.

— Ну я же говорил, Сёма! Говорил! Найдётся. Вот и нашёлся!

— Найти-то нашёлся, да только неделю он где ходил?

— Ой, ну что ты! Как будто ты охотников не знаешь.

— Да знаю, знаю, – опустил голову, отдышавшись теперь, Семён. — Не понимаю. Ну, ехал же он от Москвы до места первым классом. Своё купе! По первому зову: водка холодная, ужин, фрукты. Тут ехать-то всего пять часов! — Семён подумал, что пот перестал течь, и поднял на начальника свои серые глаза, однако последняя крупная капля предательски упала с кончиков волос на очки и медленно потекла по линзе. — А он… Вышел где-то в поле, никого не предупредив, и на неделю пропал.

— А-а-а, – Павел Павлович махнул рукой. — Небось деревню проезжал, душу там увидел, или ещё чего, и решил разобраться по-быстрому.

— Так ведь нашли его, замёрзшего практически!

— Ну до смерти не замёрз бы, сам ведь знаешь. Пока дочь смерти за ним следует, умереть он не может.

— Это-то меня и беспокоит. Договор у них весьма… Он ведь не может ей наскучить?

— Это вряд ли, — Павел Павлович снова рассмеялся. — Тем более, пока он по лесам скачет и развлекает её!

Глава 5

Ворона разбудил шум, благо в этот раз ничего не снилось. Где-то за дверью ругались: женщина голосила, будто сирена, но её постоянно прерывал то хохот, то топот. Голова болела, Ворон сел на кровать и закурил.

Из дальнего угла комнаты за ним наблюдал светящийся рубином кошачий глаз. Девушка в чёрном пальто, сидела на корточках, облокотив голову на руки, и улыбалась.

— Тебе, я смотрю, весело? — прохрипел, стряхивая пепел Ворон.

Девушка ничего не ответила, и выражение её лица ничуть не изменилось.

— Я ведь и помереть мог, — он бегло осмотрел свои, покрытые непонятными татуировками, руки. На ладони даже шрама не осталось.

Ворон сжал и разжал пальцы, и посмотрел в окно. Солнце смотрело свысока и буквально ослепляло, на небе не было ни единого облачка.

Дверь в палату с грохотом распахнулась. В проходе стоял Иван Степанович. Он аккуратно протёр лоб носовым платком и хотел было переступить порог, однако вперёд него в помещение влетел крупный мужчина в синем пиджаке, лет сорока с виду. За мужчиной ввалились двое одинаковых, будто из ларца, парней с максимально серьёзным выражением на лицах. Сзади бежала женщина в сестринском халате. Мельтеша у гостей под ногами, она ругалась, размахивая руками. Ворон моментально распознал в ней коридорную сирену. Он бросил взгляд в угол, но там уже никого не было.

— Так это ты, товарищ Ворон? — мужчина в пиджаке подбежал к соседней койке и плюхнулся на неё. — Мы тебя потеряли уже!

– Куда по помытому?! Бахилы надели! — женщина надрывалась. Двое из ларца пытались её обступить и встать за спиной своего начальника, но этот бодрый клубок ярости всячески им мешал. — Тут больница, а не эта ваша!

– Больному нужен покой, — фельдшер, наконец, вошёл в палату. — Сара Михайловна, выйдете!

— Я тут в золушки не нанималась! Только помыла, а они топчут?! Фигу! Пусть сами теперь и моют, я им швабру-то выдам! — она оглядела гостей и их начальника, который, не прекращая улыбаться, наблюдал за каждым её шагом. — Одну на троих!

— Степаныч, нам бы тут перетереть, я тебе потом клининг пришлю, — мужчина, сидевший напротив Ворона, серьёзно обратился к фельдшеру. — Ну не могу я бахилы, с моей-то грыжей, — он показательно ухватился за бок, — да и у парней грыжи не меньше. Разве что девушка нам поможет?

— Ах ты! — женщина покраснела от ярости. — Грыжа у него?! У всех троих грыжа?! А у меня не грыжа?!

— Сара Михайловна, выйдете, — попросил Иван Степанович.

Медсестра вообще не отреагировала, и ему пришлось повысить голос:

— Выйдете, вам сказано!

— Тьфу! — она развернулась и выбежала в коридор, сильно хлопнув дверью.

— Чёрт-те что! — Иван Степанович вытер со лба пот и бухнулся на табуретку. — Я же сказал, не курить здесь.

— Да ладно тебе, — мужчина в пиджаке расхохотался и тоже закурил. — Всё равно шаром покати!

Ворон вопросительно посмотрел на него.

— Колька! — мужчина хлопнул его по плечу и расхохотался. — Ну ёбен-бобен, говорил тебе, тормазуха до добра не доведёт!

— Колька? — прохрипел Ворон.

— Вас, Ворон, Николаем зовут, — спокойно проговорил Иван Степанович. — А фамилия ваша — Воронов.

— А это?

— А это ваш двоюродный брат, Вадим Петрович, глава администрации нашего города.

Ворон посмотрел на довольного мужчину.

— Вы, Ворон… Вернее, Николай, — продолжил, запнувшись, фельдшер, — два дня назад приехали к нему погостить, да так напились, что пошли гулять, в лес, видимо, и пропали.

— Я себе места не находил! — Вадим Петрович показательно подвывал. — Мы сколько не виделись! Степаныч, я ж его на именины дочкины два года ждал и вот дождался. И не уследил! Эх, дурья моя башка!

— А кровь, — спокойно продолжил доктор, — по всей видимости, свиная.

— Порося мы на шашлык порубили, Степаныч, — глава администрации показательно закивал. — Катюша так расстроилась, когда узнала, что дядя Коля пропал, места себе не находит, плачет вторые сутки! Моя вина — говорит, не пригласил бы ты, папа, дядю Колю на мой день рождения, не пропал бы он! Ангел!

— А я так напился, получается, — процедил новоиспечённый Николай, — что ребёнка расстроил.

— Да ты не переживай! — глава администрации театрально заключил его в объятья. — Сейчас домой поедем, обрадуем Катюшу! А пить я тебе больше не дам, Коля, уж прости!

— Вадим Петрович, — спокойно обратился к нему фельдшер, — выписку оформить надо, да бумаги заполнить, сам то Николай не может.

Глава администрации вопросительно посмотрел на Ивана Степановича, после чего, как будто резко осознав нечто важное, вскочил на ноги и пулей вылетел в коридор, напоследок прокричав:

— Собирайся давай и спускайся, Коля, поедем домой, карета ждёт!

Его свита синхронно выскочила следом.

В палате резко опустело, только стоявшая столбом пыль напоминала про вихрь, что пронёсся здесь минуту назад. Ворон встал и ещё раз посмотрел в дальний угол, будто желая убедиться, что там никого не было. Тяжело вздохнув, он принялся одеваться.

— А всё-таки мне кажется, что вы не Николай, — Иван Степанович задумчиво прервал тишину.

— Не Николай.

— И то, что у вас нет обморожения после ночи в сугробе. Вы же в этих же джинсах были, – он указал на мято-грязные штаны. — Они ведь даже без подкладки, а ночью здесь под тридцатку-то будет.

— Так бывает.

— Бывает, значит…

Ворон молча оделся и, достав из-под кровати свой потрёпанный рюкзак, направился к выходу. Остановившись в дверях, он спросил:

— Вы говорили про парня, знающего вас как будто. Мне бы поговорить с ним.

— Вы меня, надо полагать, тоже знаете? — Иван Степанович вопросительно поднял бровь.

— Нет.

— Нет, значит… – тяжело вздохнув, фельдшер устало протёр глаза. — Недалеко от рынка он ошивается. Машина у него большая, фургон такой, синий.

— Спасибо, — произнёс, выходя из палаты Ворон, но Иван Степанович, погруженный в свои мысли, его уже не слышал.

Глава 6

В три часа дня снег закончился.

Закутавшись в длинную, на меху, шубу и расписной, цвета сирени, платок, Тася натянула валенки. Захватив под мышку какой-то свёрток, она легко выскользнула во двор и мягко затворила входную дверь. Прикоснувшись к ней рукой и ляпнув пару неразборчивых слов, девушка спустилась с крыльца. Те же действия она произвела, захлопнув калитку, после чего направилась в сторону деревни.

Хрустя свежевыпавшим снегом, девушка шла по тропинке, которая пересекала главную дорогу, образуя перекрёсток, и вела к старой заброшенной скотобойне, вылившейся ярко-алым кирпичным пятном на белоснежной простыне леса.

Пройдя полпути до перекрёстка, она обернулась. Её небольшая, покосившаяся слегка, избушка стояла чуть поодаль от главной дороги, перед въездом в деревню, практически у леса. В остатках выцветшей краски угадывался небесно-голубой оттенок. Наличники в тон погоде были белыми, из крыши торчала металлическая труба.

«Надо бы обновить, когда это всё закончится. Красили, когда ещё бабушка была жива, а теперь уж и мамы нет».

Дойдя до главной дороги, Тася вышла на середину перекрёстка, и с минуту постояла на нём, прислушиваясь к окружению.

«Сегодня снова ничего».

Девушка достала из кармана шубы записную книжку с карандашом и сделала в ней какую-то пометку. Закончив, она направилась в противоположную деревне сторону, — в лес.

Дорога извивалась меж деревьев, и спустя девять километров пути врезалась в местный городок, называвшийся Ленинском. Так было всегда. Теперь же, метров через триста, после бурелома и сваленной берёзы, на дороге стояла огромная ель, перегораживая проход. Диаметр ствола был равен метрам пяти, а крона пронзала небеса так высоко, что глазу была фактически недоступна.

Девушка, равно как и сегодня, много раз пыталась обойти дерево, но сколько бы она ни водила вокруг него одиноких хороводов, она всегда попадала обратно на дорогу, ведущую в деревню, как будто тракт вился за ней следом, точно хвост.

Тася вздохнула, и сквозь её надутые, пухлые от природы, губы, вверх к облакам устремился молочно-белый пар. Она сняла варежки и прикоснулась к стволу руками. Поглаживая его, и, пытаясь нащупать что-то, она прислонилась к дереву лбом. Её глаза вспыхнули янтарём. Еле слышным шёпотом Тася произнесла непонятный набор слов, отчасти напоминающий молитву.

Никакого отклика.

Девушка ещё раз осмотрела дерево и, вернув варежки на место, пошла в деревню.

Поселение было тупиковым. Оно располагалось вокруг небольшого лесного озера и существовало около трёхсот лет, кажется. Когда-то давно здесь селились ведьмы и прочие колдуны, отчего жители деревень, располагавшихся по пути, это место окрестили Чертами, считали его про́клятым и старались не соваться сюда лишний раз. Теперь уже этих деревень нет на этом свете, как и их жителей. И даже их кости, скорее всего, истлели давно где-то в местных лесах. А Черты живее всех живых. Вот и думай теперь, кто был действительно проклят.

Пройдя перекрёсток, Тася обернулась: дерева и след простыл. Она никогда не видела его ни из одной точки деревни, но стоило пройти буреломы, ель, будто бы по щелчку пальца, материализовалась буквально из ничего.

«Уж не умерла ли я? — думала Тася. — Поэтому и покинуть деревню не получается… Нет. Не вся же деревня умерла вместе со мной».

Гонимая своими мыслями, Тася бодро шагала по широкой, расчищенной дороге. Сразу после окончания снегопада на улицу вывалились местные жители. Мужики сваливали кучи снега по краям, возле заборов, а дети в этих самых кучах играли, весело визжа.

— Тася! — девушку окрикнул грубый бас. — Мы и тебе почистием, щас только здесь закончим!

— Спасибо, дядя Вова!

Тем временем в Тасю прилетел снежок. Пацан, кинувший его, испугался и заорал:

— Тётя-ведьма! Не заколдовывай меня!

Девушка обернулась и, сделав показательные движения руками по воздуху, медленно направилась в сторону мальчишки. Тот завизжал и под гогот мужиков бросился наутёк — друзья расхохотались и начали поносить его за трусость. Тася, оставшаяся довольная собой, направилась к церкви, которая стояла на развилке дорог, опоясывающих озеро.

Обычно поселковые жители испытывают к всякого рода ведьмам и колдунам нечто навроде смеси уважения и страха. Но только не в здесь. Деревенскую ведьму очень любили. Тася была потомственной колдуньей. Когда-то давно, когда деревню только основали, её предки пришли сюда и остались, так как силы в местных лесах гуляет действительно много. Со временем колдунов здесь становилось всё меньше, а последние сто лет так и вообще осталась только Тасина ветвь. Рыжие зеленоглазые ведьмы. Что Бабушка, которую она помнила уже посидевшей, что мама, скончавшаяся два года назад от болезни, что Тася — всегда превыше всего ставили нужды деревни, и денег за работу у своих не брали. Оттого всегда были желанными гостями в любом доме и могли рассчитывать на накрытый стол.

Будучи ведьмой, Тася не могла сама зайти в церковь, поэтому, подойдя к дверям, она громко постучала. Ответа не было. Постучалась ещё — тишина.

«Странно… Где он ходит-то? Ладно, тогда сначала на кладбище».

Обойдя церковь с угла, она упёрлась в небольшой деревенский погост. Здесь она была хозяйкой, и ничьё приглашение ей не требовалось. Поговаривали, что, когда церковь только построили, здесь хоронили только батюшек, и ведьмы не могли сюда попасть без приглашения. Но, так как батюшек в деревне умирало сильно меньше, чем местных жителей, хоронить на этом погосте стали сначала обычных людей, а потом, по ошибке, и ведьму прикопали, осквернив тем самым, святое место.

Девушка легко проскользила между старых крестов к знакомой чёрной оградке. С памятника на неё смотрело улыбающееся лицо, как две капли воды похожее на Тасю, правда, лет на тридцать старше, о чём свидетельствовали морщины вокруг глаз и на лбу. Эпитафии, как и дат, не было, потому что девушке до сих пор было сложно осознать эту смерть. Скинув свежий снег с верхушки памятника, она тихо произнесла:

— Здравствуй, мама.

Опустившись на колени, Тася взяла свёрток и, положив его на могилу, развернула. Внутри лежали свечи, пара сушёных пучков какой-то травы, зажигалка и два старых грязных гранёных стакана. Уложив силос в стаканы и поставив их справа и слева от себя, она подожгла содержимое. От получившихся костерков девушка запалила свечи, предварительно скрутив их между собой. Закрыв глаза, она согнулась в молитвенной позе и, не выпуская свечи из рук, принялась бубнить что-то неразборчивое себе под нос.

Спустя минут десять из транса её выбил мягкий мужской голос.

— Ты бы хоть платок подстелила, замёрзнешь ведь, — обладатель его был облачён в длинную чёрную рясу и такой же клобук, с вышитым на нём золотым крестом. Из-под густых бровей на девушку смотрели два весёлых чёрных глаза, поселившихся на круглом, покрасневшем от холода, лице, словно это не лицо вовсе, а спинка божьей коровки.

— Я вас не слышала, — обернулась Тася.

— Ты же в этом своём, — поп нахмурил брови и разглаживал королевскую, свисающую до груди, бороду, пытаясь вспомнить нужное слово. — Трансе! — вспомнив, он хлопнул себя по пузу и расхохотался.

Ведьма сделала вид, что не обращает на него внимания. Она аккуратно, одними кончиками пальцев, затушила свечи и принялась собирать свои пожитки. Закончив, девушка завязала свёрток и, поднявшись с колен, произнесла:

— Я стучалась, но никто не ответил.

— Я гулять ходил.

— Гулять? В наших обстоятельствах Вы за всю деревню молиться должны целый день и ночь, а Вы гулять ходите?

— Так ведь…

— У нас с вами договорённость, — не дав святому отцу договорить, Тася перебила его.

— Ну полно тебе, доча, – мужчина серьёзно посмотрел на собеседницу. — Молился я, а что толку? — он обвёл глазами округу. — Не помогают ведь молитвы.

— Значит, надо всё бросить?

— Почему сразу бросить?

— А что?

— Освежить голову, вот что. Вот и решил прогуляться. Как видишь, ничего не поменялось.

— Может, не поменялось, потому что не молились?

— Ты ведь каждый день колдуешь? — поп почесал бороду.

— Конечно! Я, в отличие от вас ни дня не пропустила.

— Помогло?

Тася опустила глаза.

— Ну вот, – мужчина утвердительно кивнул. — Значит можно и погулять денёк!

Глава 7

Вадим Петрович — мужик деловой. Настоящий, можно сказать, решала. Хотя, придя на работу, как обычно, к девяти, решать проблемы города он не торопился. До половины десятого потягивал кофе, а там и покурить нужно. В десять на пути из курилки встретил замначальника такого-то отдела и зацепился с ним, как водится о рыбалке, ещё до одиннадцати.

Вернувшись на рабочее место, от секретарши узнал, что у него встреча на двенадцать с какими-то активистами против бродячих собак и грязи. Разозлился. Что вот ему с собаками делать, по их мнению? А с грязью? Каждому раздать по собаке и по лопате, чтобы улицы чистили — вот это было бы решение! Похвалил себя да отменил встречу — бюджет не резиновый — у города и так проблем хватает.

Тут секретарша принесла бумаги на подпись. Свёл брови, прочитал, — ни черта непонятно, — позвал юриста. Тот ему разжёвывал, объяснял, до часу где-то. Всё одно! Без поллитра не разберёшь! Достал фужерчик, тяпнул, разомлел, и общим скопом подмахнул подпись. На то юрист и нужен, что потом будет разбираться.

Хороша жизнь, ничего не скажешь!

Закурил. Время к обеду. Надо бы ребят позвать, чтобы машину подогнали. Сейчас в ресторан, оттуда объект какой проверить, руки подрядчикам пожать с важным видом, или дворников погонять – ни черта ж без него не подметут, звери – там и домой можно. Планы наполеоновские, не меньше.

Тут мобила звонит. Смотрит Вадим Петрович на экран, а там из Москвы, большое начальство. Выше, чем он сам, к сожалению, благо в хороших отношениях. Судя по времени — не порка. Отчитывают обычно или с утра пораньше, или уже по результатам рабочего дня. Наверное, денег в область хотят дать, а может… Ладно, сейчас узнаем. Деловито откинувшись в кресле, Вадим Петрович поднёс телефон к уху и ответил:

— У аппарата.

— Короче слушай, — в трубке раздался натянутый голос, — у тебя в больничке парень лежит. Надо его забрать, развлечь, если попросит, и дать всё, что говорит.

— Не понял.

— Что не понял?

— Какой парень?

— А этого тебе знать положено.

Нахмурился Вадим Петрович. Негоже, конечно, с начальством спорить, но в городе-то он главный. Да и тяпнутое даёт о себе знать.

В трубке снова раздался голос:

— Ты понял?

—— Погоди. Что за парень?

—— Пару дней назад в сугробе нашли, грязного всего.

— Алкаш, что ли?

— Алкаш — не алкаш! Не нам с тобой это решать! У меня приказ сверху! Ориентировка!

— И мне его развлекать надо? Станцевать ему, может?

— Надо будет, станцуешь!

—— Не понял…

— Короче слушай. У меня приказ сверху. Парень этот то ли под прикрытием, то ли что — всё одно! Мне знать не положено! И тебе тоже! У него задание какое-то! Роют, понимаешь?! Хер их знает, что там на самом деле! Если не уважишь его — он такую маляву накатает! Нас обоих зацепит! Теперь понятно?

— Понятно.

— Хорошо. Я тебе отправил ориентировку и сведения, что у меня есть. Не подкачай, а то дело одно! Быстро порешаем.

Звонок оборвался.

Да бляха-муха! Ну какого хрена?! День ведь так хорошо начинался. Ладно. На то он и решала.

Пока ехали в больницу на чёрном служебном мерине, ознакомился с ориентировкой, которая являла собой одно старое фото и позывной — Ворон. Настоящее имя и звание скрыто. Придумал простенькую легенду о чудаковатом родственнике, и, как только подъехали, с присущим себе размахом и театральностью, натренированной за годы работы на руководящих должностях, принялся исполнять.

«Нехорошо, конечно, Степаныча накалывать, мужик он хороший, но платить за риск потом не ему. Поймёт».

Наспех заполнив выписку, погрузил своего гостя в машину, после чего скомандовал держать путь в ресторан, с небольшой задержкой от планируемого изначально графика. По дороге, натянув самую невинную и доброжелательную из своих улыбок, пытался хоть немного его разговорить.

— Так, а Вы, значит, откуда к нам приехали?

— Москва.

— И как у вас там обстановка?

— Снежно.

«Снежно ему, лять».

— Мы тут новую торгушку открыли! После обеда можем заскочить. Или, если хотите, сейчас поедем. Уверен, сможем выбить вам неплохую скидку!

— Не стоит.

— Может скажете из какого Вы ведомства? Мы, знаете ли, ни с кем бодаться не хотим.

Ворон оставил этот вопрос без внимания и закурил.

«А парень-то походу крепкий, глубоко копает».

В ресторане, как и в любом другом более-менее крупном частном бизнесе в городке, у Вадима Петровича была доля. На безвкусной, слепленной без участия даже дизайнера-новичка, аляповатой вывеске красовалось название «ВИКТОРИЯ».

— Мою жену, кстати, зовут точно так же, — сообщил глава администрации, когда они поднялись по засыпанным снегом ступенькам, к дешёвой, как будто забранной у разорившейся ночной пивнушки, пластиковой двери, установленной здесь для того, чтобы максимально сэкономить на ремонте.

— Понятно, — без интереса ответил Ворон.

Внутри из колонок орала какая-то старая забытая попса, в обеденное время большинство столов было свободно. По залу без дела шарахался один официант, который перепугался, увидев гостей.

У Вадима Петровича, естественно, был свой столик в отдельном закутке. Там, рассевшись, решала заказал чуть ли не всё меню, а на аперитив попросил охлаждённую настойку из можжевельника и закусить всякого. Предложив Ворону, с удивлением услышал согласие.

«Готов, значит, разговаривать. Хорошо, уже что-то».

Выпили сначала по одной. Там, как видится, перерывчик небольшой. Потом и третью можно, на ход ноги, считай. Там и заказ начали потихоньку таскать. После каждого приёма Вадим Петрович предлагал хряпнуть по маленькой, и Ворон соглашался. Не знал глава города, что алкоголь на заключивших договор со смертью не действует, а Ворон его этим знанием расстраивать не хотел — и так видно, что волнуется мужик.

После того как поели и посуду унесли, — всё, кроме фужерчика с можжевеловой, естественно, — довольно развалившись в кресле, Вадим Петрович поковырял в зубах и закурил.

— Н-у-у-у-у, — протянул он, слегка сузив глаза от попавшего в них дыма. — Может, не будешь томить? Копаешь под кого-то? Мы же можем по-другому решить. И все при делах останутся.

— Меня интересует только кое-какая информация, — махнул рукой Ворон, поняв, куда клонит Вадим Петрович. — Посодействуешь, разойдёмся полюбовно.

— Вот это дело! Внимательно слушаю.

Ворон залез в рюкзак и достал оттуда какую-то смятую бумагу. Сдвинув стопки и бутылку на край стола, он её развернул, и Вадим Петрович, не без удивления увидел, что это карта его области. Пошарив по ней какое-то время, Ворон ткнул пальцем в точку, находящуюся на севере от города, примерно в девяти километрах.

Вадим Петрович посмотрел на указанную точку и увидел там деревню "Черты", стоя́щую вокруг небольшого лесного озера.

— Это, должно быть, какая-то ошибка, — утвердительно сказал он. — Карта у тебя неверная.

Ворон отогнул край карты и показал штамп местного краеведческого музея. Штамп сообщал, что карта была напечатана год назад.

— Понимаю, — кивнул глава администрации. — Так тебя из-за этого прислали? У нас тут места не самые туристические, знаешь ли, сразу и не заметили. Да и не пропадал на той дороге отродясь никто. Но карта вводит в заблуждение, согласен. А я проглядел, получается, хоть и глава. Исправим, – Вадим Петрович достал телефон. — Сейчас я начальнику их позвоню.

— Нечего исправлять, — прервал его Ворон.

— Как нечего? — театрально удивился глава администрации. — Там же нет ничего! И отродясь не было! Вова! — он подозвал одного из своих идентичных спутников. — Вов, посмотри. Это что ещё за Черты, мать их?

Молодой человек уткнулся в карту. Несколько раз покрутив её, он почесал затылок и сказал:

— Ума не приложу, Вадим Петрович… — Вова вопросительно посмотрел на Ворона. — Батя мой охотник, всю жизнь тут провёл и нас с братом по молодости с собой таскал. Я эту область как свои пять пальцев знаю. Нет там ни озера, ни уж тем более деревни.

— А дорога, зачем туда проложена тогда?

— Так это разворот, — выпрямился парень. — Вот тут, – он ткнул пальцем в точку метров через пятьсот, от начала дороги, где она загибалась в сторону. — Зачем прокладывали, не знаю, но батя частенько рассказывал, что разворот этот гиблый. Якобы про́клятый. Ей-богу, если бы не придурочный, в жизни бы ему не поверил.

— Что за придурочный? — Ворон перевёл взгляд на главу администрации.

— Да есть один… — Вадим Петрович говорил с нескрываемой неприязнью в голосе. — Два месяца как появился в городе. Говорил, что пришёл оттуда…

Внезапно главу администрации осенило. «Неправильная карта, – думал он. – И хрен этот, пришедший оттуда. Он проверяющий, а это его начальник, получается». Сердце его заколотилось сильней, но, увидев, как у Ворона блеснули глаза, решала взял себя в руки м продолжил:

— Пришёл из деревни, будто бы, которой нет ни на одной карте. И вроде как знает несколько человек. Степаныча, фельдшера нашего, довёл до ручки — внуком его назвался, без вести пропавшим.

— Где теперь этот человек?

— Посидел трое суток, успокоился, да отпустили. На работу на рынке устроился. Живёт там же, в машине своей. Периодически к нему белка приходит, конечно, но сам по себе он вроде бы безвредный. Трое суток посидит и на неделю снова спокойный. Жалко его, по-своему, конечно…

— Родственников не искали?

— Пытались, да без толку. Мать, говорит, в деревне той осталась. Отец мёртв. Дед — наш фельдшер.

— Где мне его найти, ещё раз?

Вадим Петрович и Вовка переглянулись.

— Вот тут, — ткнув пальцем в карту города, облизнул губы глава администрации, — в паре улиц. Давайте вас ребята отвезут.

— Не надо, — бросил Ворон, вставая из-за стола, — прогуляюсь.

— А по мне что?

— Нет вопросов, можете отдыхать.

Глава 8

Наевшись от пуза и нахлебавшись горькой можжевеловой настойки, Ворон вышел в морозный послеобеденный воздух и направился в сторону рынка, чтобы повидаться с необычным молодым человеком.

День клонился к вечеру, хотя ещё и не стемнело. Небо заволокло непроходимой облачной стеной. Порывистый ветер, словно ревнивая баба, пощёчиной сбивал снег с полуодетых деревьев. Где-то во дворах раздался испуганный вой сигнализации — видимо, сосулька упала.

Вдоль дороги из сугробов торчали горлышки бутылок, бычки и какие-то фантики. По бокам, на них, с каким-то необъяснимым презрением вылупились двух, трёх и, изредка, пятиэтажки. Где-то их окна-глаза были заколочены, где-то выбиты, но чаще светились, маня непонятно откуда взявшимся уютом.

На углу одного из домов располагался небольшой местный магазинчик. Чуть в стороне от него, под стеной, расписанной непечатными словами, на корточках сидел и скучал неказистого вида мужичок.

Подойдя поближе, Ворон учуял кислое зловоние.

«Чёрт возьми… Если орден вложится в изучение этого запаха, то выяснит, что с помощью него можно успешно справиться с парой-тройкой видов нечисти», — подумал он, однако вслух сказал:

— Дружище, хочешь слегка подзаработать?

Услышав о деньгах, мужичок встрепенулся, словно голубь, и поднял свой заплесневелый взгляд на Ворона. Лицо его было помидорно-красного цвета. Один глаз слезился, второй скрывался за распухшим сине-жёлтым бугром.

— Ну? — закурив, повторил Ворон. — Так чего?

Мужичок осматривал стоя́щего над ним человека с недоверием и интересом, словно выбирал девку на панели. Его ходящая из стороны в сторону челюсть, выдавала напряжённый мыслительный процесс. Завидев дымящуюся сигарету, он просто ткнул пальцем в интересующий его предмет, будто бы отдавая безмолвный приказ.

Ворон достал портсигар, и, вытянув оттуда одну сигарету, дал её собеседнику. Мужичок понюхал подношение и прикурил. Сделав затяжку, он расплылся в улыбке и сказал:

— Хороший табачок.

— Да уж, неплохой. Так что? Подработка интересует?

— Что за подработка? Предупреждаю — если ты из этих… Мало не покажется!

— Информация мне нужна, а не ты, — брезгливо бросил Ворон.

— И что это за информация такая?

— Слышал что-нибудь про деревню Черты?

— Отродясь не слышал.

— Это на севере, в девяти километрах. Там, где чёртов разворот.

— Нет там деревни, мил человек, да и не было никогда. Там, говорят, ТЭЦ поставить хотели, да не вышло ничего. Болота. Места гиблые.

— Понятно. Есть в окру́ге какие-то необычные истории?

— Это какие такие истории? — мужичок недоумённо посмотрел на Ворона.

– Легенды может. Призраки на кладбище, необычные возгорания, стуки, шорохи, необъяснимые смерти или пропажи.

Мужичок опустил голову и задумался. Так, он просидел с минуту, а потом, снова посмотрев на Ворона, заговорил:

— Есть один дом.

— Где?

— Да тут недалеко. По параллельной улице в сторону центра — минут десять. Поместье бывшее, писаки вроде. А это…

— Что?

— Ещё можно сигаретку?

Ворон протянул смердящему человеку то, что он попросил, и тот, деловито спрятав её в наружный карман куртки, продолжил:

— Там постоянно шорохи, стуки, двери хлопают. Я как-то крик слышал, а кто рядом живёт, говорят, там внутри собака воет. Да только никто там выть не может — заколочено всё намертво. Страх, в общем. Местные стороной обходят.

— Да, — кивнул Ворон, оборачиваясь, чтобы уйти. —То, что нужно.

— А плата? — крикнул ему в спину мужичок.

Ворон повернулся и достал из внутреннего кармана несколько смятых красных бумажек. Распрямив одну из них, он протянул её мужичку, который от удивления аж разбитый глаз раздуплил.

— Это как так?!

— Сразу всё не пропей.

Здешние коммунальщики, работая утром лопатами и мётлами, сняли приличный, утрамбованный снежный слой с асфальта, оставив только блестящую корку льда, раскатанную детьми до состояния катка. Временами это безобразие скрывал снег, сбитый с навесов крыш. Местные, будто бы при помощи высших сил, спокойно шли по дороге, — кто быстрее, кто медленнее, — но не Ворон. Он, матерясь и поскальзываясь, чуть не сев пару раз на шпагат, добрался до своего места назначения за время в два раза большее, чем обещал ему тот пьянчужка.

Может быть, эта халупа когда-то и была частью какого-то поместья, но не теперь. Сейчас это был облупившийся одноэтажный домик, окна которого были наглухо заколочены. На покосившемся уродливом заборе висела старая мемориальная табличка с нечитаемой фамилией. Рядом с ней зияла дыра, в которую Ворон и пролез.

Двор был замусорен чуть менее, чем полностью — залётные мимоходом путешественники явно не запариваются в плане раздельного сбора, экологии и прочих, модных нынче, жизненных течений, кидая свой мусор просто через ограду. Осторожно ступая, чтобы не наткнуться на битое стекло под снегом, Ворон направился на поиски входа.

Дверь и вправду была забита, причём на века. Подёргав её туда-сюда, он понял, что надо искать другой вход. Окна тоже не подошли, и Ворон принялся осматривать фундамент. Чутьё его не подвело и вскоре он обнаружил небольшую дверцу в подпол. Отбив от краёв лёд какой-то железной трубой, которая валялась вот прямо тут же, Ворон потянул ручку на себя, и дверца поддалась.

Прежде чем лезть, он посветил фонариком, но не увидел ничего, кроме нескольких обгоревших пластиковых бутылок. Ну, выбора у него всё равно нет — надо лезть. Остаётся надеяться, что там будет лаз в дом.

Преодолев на четвереньках некоторое расстояние, Ворон обнаружил в полу нечто похожее на дверь. Квадратное отверстие было заложено такой же, по форме, доской, которая, однако, рукам не поддавалась, но слегка выгибалась, даря некоторую надежду на успех. После нескольких попыток он решил попробовать ногами. Доска сильно натянулась и с треском разломилась пополам, обрушив в подпол кучу пыли и собственные ошмётки.

Забравшись в дом, Ворон отряхнулся и выпрямился. Сквозь дыры в крыше местами пробивался дневной свет, поэтому фонарик он выключил и принялся изучать помещение, которое, по всей видимости, раньше было и кухней, и спальней одновременно.

Везде стояла вековая пыль, на стенах в некоторых местах сохранились ободранные обои. Похабный календарь извещал, что время здесь остановилось пятнадцать лет назад, летом. На полу были раскиданы предметы обихода бывших обитателей: кастрюля, сковорода, чайник и

несколько битых тарелок. Чуть в стороне стояла небольшая дровяная печь, скрывающая за своим боком порыжевший скелет, некогда звавшийся кроватью.

На столе Ворон обнаружил вырезанную пентаграмму и рядом несколько славящих короля подземного мира, надписей.

«Ох уж эти дети. Если бы они знали».

Под окном вальяжно развалились две табуретки. Отряхнув одну из них, Ворон поставил её посередине комнаты. Вторую откинул в сторону, после чего сел на первую так, чтобы входная дверь была у него за спиной. Из рюкзака, который Ворон поставил рядом с собой, он достал старый огарок свечи и склянку с каким-то порошком, напоминавшим пепел. Растерев щепотку этой серой пыли в руках, Ворон зажёг свечу и, шепнув что-то неразборчивое в огонь, распылил над ним содержимое ладоней.

Спустя полминуты в спину дунул лёгкий ветерок. Холодный, пронизывающий до костей. Почувствовав это, Ворон напрягся — никогда он не любил миг прихода. Ветерок тем временем не унимался и явно пытался задуть свечу.

— Не получится, — сказал Ворон. Он смотрел точно пред собой, где на фоне обоев медленно начал появляться силуэт.

Призрак был практически прозрачным, серого цвета. Когда-то это, по всей видимости, был мужчина, лет тридцати, не больше. Он был одет в грязную футболку и мятые спортивки. Ботинок на нём не было, да и сами ноги были почти прозрачными. Создавалось ощущение, что призрак висел в воздухе. Лица у мужчины практически не было, и единственное, что подтверждало его бывшее присутствие — это рот, скривившийся теперь в непонятной улыбке.

Самоубийца. Отвергнутая душа. В наказание за свой грех они не отправляются на ту сторону, а остаются там, где совершили преступление — лишение себя жизни. После этого они или медленно и мучительно исчезают без шанса на упокоение, или становятся мстительными духами, привязанными к месту, и гоняют от него всякого, пока само место привязки не исчезнет, забрав их с собой. Впрочем, во втором случае итог такой же, как и в первом. Но одно спасение у них всё же есть.

Фантом стоял без движения. Иногда по его поверхности проходила рябь, навроде помех в телевизоре.

— Мне нужно кое-что узнать, — произнёс Ворон.

Призрак медленно вытянул перед собой руку и направил указательный палец куда-то за плечо своего собеседника, указывая на женский силуэт, стоя́щий сзади, словно тень.

— Да, — сказал Ворон, — но сначала разговор.

Фантом мужчины опустил палец, и Ворон продолжил:

— Черты.

— Де-е-е-ре-е-вня… Сокры-ы-ы-ы-та… — звук шёл, но губы не шевелились. Растягивая слова, голос его был похож на мерно сыплющийся песок в песочных часах. — Та-а-а-м сме-е-е-ерть…

— Значит, она не исчезла? — Ворон склонил голову набок и закурил от огарка, который после сразу потушил. — Ты чувствуешь, что её скрывает?

— Сме-е-е-ерть…

— Негусто...

Он пришёл сюда в надежде узнать что-то чёткое — на мёртвых, в отличие от живых, нельзя наложить потерю памяти, поэтому они, в некотором роде, более надёжные информаторы. Правда, давние — те, кто скончался бог знает когда и сильно задержался, — растворяясь, теряют часть себя, и, вместе с тем, возможность нормально выражать свои мысли.

— А с людьми чего?

— Сме-е-е…

— Мертвы все?

— Не-е-е-ет…

— Ладно, — махнул рукой Ворон. — Рейна.

У него из-за спины элегантно выплыла девушка, облачённая в траур. Волосы скрывали половину её лица, а на второй, открытой стороне, ярко, будто в кремационном пламени, горел кошачий зрачок.

— Проводи его, — произнёс Ворон.

Третьим исходом для самоубийц является переправка силами самой смерти, но её дочери обычно не обращают внимания на потерянные души, у них и так работы хватает. Единственный верный шанс — это попасться на пути охотника и не быть уничтоженным.

Ворон молча наблюдал, как лицо молодого человека медленно проявлялось, по мере того как свет, излучаемый дочерью смерти, поглощал его. При жизни он был красив. Интересно, что толкнуло его на такой поступок? Фантом с каждой секундой становился всё больше похож на человека, и в конце, когда свет поглотил его. Ворон увидел слезу, которая быстро бежала вниз по щеке. И улыбку. Не жуткую уже совсем.

Выбравшись из дома, Ворон направился в сторону рынка. В гордом одиночестве, снова. Теперь уж остаётся только этот странный парень, который говорит, что знает добрую часть города, и даже к Вове, охраннику главы администрации, как-то раз приехал, и, перепугав его жену с дочерью, пытался доказать, что они знакомы и за одной партой вместе сидели. Немало знал о значимых событиях его жизни, правда, что и как приводило к ним, перевирал полностью, подставляя себя на место других людей, знать которых не мог. Вова дал ему в морду и выгнал.

Не найдя ни у кого ни понимания, ни убежища, молодой человек обосновался на стоянке грузовиков, которая находилась прямо за местным рынком. Туда он и устроился тягать мешки, чтобы не помереть с голоду, благо его старая буханка позволяла ему ночевать в машине.

Уазик тот, четыреста пятьдесят второй, к слову, был в состоянии, близком к идеальному, что многим, кто его видел, казалось невозможным. Поэтому в городке пошёл слух, что парень не просто сумасшедший, а настоящий колдун, или юродивый! Как иначе объяснить, что она у него ярко-голубого цвета, всегда блестящая и, по словам тех, кто бегал осматривать это чудо, ещё и не гнилая?! Колдует!

Войдя на стоянку, Ворон сразу заметил этот удивительный аппарат. Не только цвет: хромированные элементы кузова, яркие, будто только-только из коробки, натёртые фары и стильные серебряные, под металлик, колпаки. Машина не просто выделялась на стоянке, она была бы главной точкой притяжения на любой модной арбатской парковке. Автомобиль стоял под старым навесом, некогда, по всей видимости, магазина, наглухо заколоченного теперь. Увидеть такой аппарат в этой глуши уже дорогого стоило, и Ворон, направившись к машине бодрым шагом, невольно улыбнулся.

Откуда-то сбоку его окрикнул мужской голос:

— Пора брать плату за просмотр!

Ворон остановился и повернул голову. На него смотрел молодой человек в дутой синей куртке и спортивной лыжной шапке. Парень улыбнулся и сказал:

— Может, что-то и заработаю, а то всем городом бегают глазеть. Местная достопримечательность уже, хоть музей открывай!

— Твоя? — спросил Ворон, указав на машину большим пальцем через плечо.

— Моя.

— Замечательно. У меня к тебе разговор.

Глава 9

На улице заходился снегопад, поэтому Сашка пригласил незнакомца внутрь, и поставил чайник.

Внутри автомобиль был ухожен так же, как и снаружи. Спереди, взамен старым, неудобным и прогнившим креслам, во всю длину от водительской до пассажирской двери, был установлен белый кожаный, на манер каких-нибудь старых американских Шеви, диван. Сзади было много места, по краям лежали подушки для сиденья, пол был утеплён, чтобы на нём можно было спать, а в углу у задних дверей стояла небольшая дровяная печка, трубой выходившая в крышу, которая отапливала пространство без необходимости запускать двигатель.

Пока вода заходилась в небольшом потрёпанном чайничке, Ворон, устроившись в углу напротив печки, с интересом изучал окружение. Сашка, с неменьшим интересом изучал незнакомца, одетого во всё чёрное. Давненько он не принимал гостей. Последний раз он показывал убранство своего дома на колёсах Тасе, деревенской ведьме, после того как установил дровяную печь. Она тогда думала, что Сашка прикалывается, а он — раз! — и в дамки. Интересно, как она там. Помнит ли его?

— Я, кстати, Ворон, — прервал Сашкины мысли человек в чёрном.

— Саша, — кивнул парень.

— Курить здесь можно?

— Лучше не стоит.

— Ладно, — Ворон залез в рюкзак, достал карту и, развернув её на полу автомобиля, ткнул пальцем в Черты. — Знакомое место?

— Ещё бы, — улыбнулся Сашка, — всю жизнь там прожил.

— А теперь?

— Теперь не могу вернуться, – парень тяжело вздохнул.

— Почему?

— Дорога разворачивает, наверное. Не знаю даже, как и объяснить.

— Попробуй.

— Ну-у-у. Пытаюсь я проехать в деревню. Выезжаю на дорогу и еду, метров пятьсот, до первого поворота. Заворачиваю и оказывается, что еду я со стороны деревни. И пятьсот метров мне остаётся до города. Пробовал и пешком, и на машине. И днём, и ночью. Нет никакой разницы, — Сашка развёл руками. — И местные не помнят ни меня, ни деревню. Друзья школьные сторонятся, за сумасшедшего принимают. Дед родной и тот забыл.

Вода тем временем закипела, и Сашка предложил своему гостю горячего чая, но Ворон отказался, сказав, что лучше выйдет покурить. Парень заварил себе кружку и медленно потягивая, смотрел на курящего Ворона, выглядящего, как сигаретный прожёг на белоснежной скатерти. Наверное, он не поверил Сашке. Наверное, он из местной газеты и пришёл, чтобы написать статью про дурака, или очередной перекуп, желающий приобрести буханку. Или дед вызвал санитаров, как и обещал в один из Сашкиных визитов, а это его будущий лечащий врач.

Пусть так! Было бы здорово услышать, что у тебя с головой не в порядке, и уехать на принудительное лечение. Это, по крайней мере, объяснило бы всё происходящее. Только кто тогда такая Тася и почему он так хорошо помнит её озорной изумрудный взгляд и огненные волосы? Неужто выдумал её себе? Нет. Не может быть. Всё правда. Он здесь единственный здоровый. Но что тогда происходит? Чертовщина какая-то. Вот бы пришёл один из этих маговколдунов из телевизора, и во всём разобрался.

Надо этого курягу как-то отвадить. Может, силой? Только не здесь, не внутри машины. Сначала поговорить. Денег ему дать? Сашка открыл боковую дверь и, поставив испускающую пар кружку на ступеньку, вышел под разошедшийся уже снегопад.

— Вы знаете, я это всё придумал, так что лучше уезжайте.

— Что? — обернулся погруженный в свои мысли Ворон.

— Придумал, говорю.

— Что придумал?

— Всё придумал. И деревню, и родственников.

— И это? — Ворон ткнул пальцем в карту, развёрнутой на полу у Саши за спиной, и закурил новую сигарету от старой.

— Ошибочная, наверное.

— Вот как, — Ворон неприятно улыбнулся.

— Слушайте, — Сашка подошёл поближе, надеясь сгладить углы, улыбка гостя ему не нравилась. — Я не знаю кто Вы, но интервью я не даю, машина не продаётся, и я вполне себе здоров. Давайте мы просто разойдёмся и забудем этот разговор.

— И что ты будешь делать?

— Уеду в другой город и попробую начать всё сначала.

— Непохож ты на того, кто хочет уехать.

— Зря Вы так, я ведь ещё молод, — Сашка сам не заметил, как начал тихонько всхлипывать. Глаза парня слегка поблёскивали от подвернувшейся влаги. — Мне только двадцать два. У меня ещё вся жизнь впереди.

— А зачем историю выдумал?

— Думал заработать по-быстрому. На жалости. Авось старик поверит и приголубить решит. А нет — так хоть прославлюсь. На телек позовут, или на шоу какое.

— Ты же не даёшь интервью.

— Это пока. Известной программе за хорошее вознаграждение дал бы.

— Ясно, — улыбнулся Ворон. — Деньги не пахнут, да?

— А-Ага, — неуверенно кивнул Сашка. На мгновение ему показалось, что обман удался.

Ворон рассмеялся и выдохнул огромный клуб дыма.

— Ну так как, уедете?

— Нет, — Ворон облизнул губы, — не уеду.

— Может вам заплатить?

— Не нужны мне твои деньги.

— Значит, по-хорошему не хотите? — Сашка вытянулся как струна.

— Успокойся, — Ворон отщёлкнул окурок куда-то в сторону и, раскрыв красивый серебряный портсигар, достал свежую папиросу. Он постучал ей о крышку, сбивая лишний табак, и закурил. — Не нужны мне ни ты, ни твоя машина. Вернее, нужен. Но только ты.

— Для чего?

— Хочу вернуть всё как было.

— Не понял.

— Ты мне вот что скажи. Тебя моё имя не напрягает?

Сашка опешил. Только сейчас он понял, что не обратил на это никакого внимания. Нет, быть не может. Ворон что нездоровый? Как пациент психушки он не выглядит. Но имя и вправду странное. Так, почему Сашка не обратил на это внимание? Ответ на данный вопрос крутился у парня на языке, и Сашке он не нравился. Одиночество и паранойя так его доконали, что он был готов принять всё что угодно, лишь бы его выслушали.

Ворон заметил замешательство парня и улыбнулся:

— Догадываюсь, о чём ты думаешь, но вынужден разочаровать. Я не болен. Как, впрочем, и ты.

— Вас действительно зовут Вороном?

— Как сказать. Сейчас — да. Вообще-то, у меня есть и другое имя, которое мне дали родители, но я его не знаю. Вернее, не помню.

— Типа как меня не помнит мой дед?

— Типа.

— А вернуть всё как было, это как?

— Ну-у-у, — выдохнув большой клуб дыма, протянул Ворон, — я точно не знаю. Но, для начала можно вернуть проезд в деревню и сделать так, чтобы тебя вспомнили.

— Вы правда можете это сделать?

— Прямо сейчас не могу. Недостаёт сведений.

— Значит, деревня существует?! — воскликнул Сашка, сердце у него колотилось как бешеное.

— Существует, — кивнул Ворон, — но сокрыта. Может быть, пелена блокирует мысли или воспоминания. Я пока не уверен, чтобы делать утверждения.

— А жители? — Сашка затаил дыхание.

— Живы. Прости, но больше конкретики добавить не могу, — Ворон покачал головой. — Знаю только, что за пеленой свежих душ нет, а значит, с тех пор как её поставили, там никто не умер.

— С тех пор как поставили?

— Да. То есть если кто-то и умер, пока не было пелены, и пока не было тебя, то я об этом сказать не могу.

— А откуда вы всё это знаете? — с недоверием спросил Сашка.

— Рассказал один местный самоубийца.

— Живой?

— Какой же это самоубийца, если он живой?

На минуту воцарилось молчание. Сашка не мог поверить во всё услышанное. Его рот скривился, а глаза испуганно бегали по лицу Ворона. Он пытался поймать смешок или улыбку, или что-то такое, из-за чего всё происходящее превратится в нелепый розыгрыш. Где-то рядом заорала птица.

— Я не…

— Вот, — перебив Сашку, Ворон достал из кармана кулон с изображением перевёрнутого черепа. — Это наш знак. Знак ордена, что действует в слепой зоне большинства людей.

— Ордена? — Сашка облизнул губы.

— Ордена Смерти. Или Чёрного ордена. Как кому удобнее, — Ворон пожал плечами. — Некоторые причастные раньше называли таких, как я, охотниками. Сейчас, правда, официальное название — оперативник, но мне больше по душе старое.

— И на что вы охотитесь? — с осторожностью спросил Сашка.

— На разное, — сверкнул глазами Ворон. — Видишь ли, аномалия таких размеров не могла остаться незамеченной. И разобраться с этим делом прислали меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.